

Театр Гарсия Лорки

Гарсия Лорка — поэт, творчески осмысливший богатые традиции испанской поэзии и ставший подлинно народным, национальным поэтом Испании, был и талантливым драматургом. Его поиски выхода из тупика, в котором оказался испанский театр середины тридцатых годов, яростная борьба за театр «социального действия», на сцене которого происходило бы социальное раскрепощение человека, и были для Лорки залогом будущей победы добра над злом. Поэт, драматург, художник, музыкант, он называл себя «вечным студентом, изучающим богатую панораму жизни человека». В этой панораме его поразила судьба женщины в испанской деревне, которая и стала героиней пьесы «Дом Бернарды Альбы», где поэтическое, лирическое и драматическое слились в высшее и органическое единство.

Режиссер В. Чхеидзе и оператор А. Гнесания начинают свой фильм с крупных планов неподвижно сидящих Бернарды и ее дочерей, пристально вглядываясь в лица застывших женщин в трауре. Уже в первые моменты жизни на экране своих героинь режиссер дает определенный эмоциональный настрой: черные платья, черные мантильи, наглухо запертые двери, за которыми на восемь лет традиционного траура, — так было в доме отца, так было в доме деда, — похоронены пять живых молодых женщин.

Здесь все замкнуто — дом, души, сердца.

Режиссер понял и глубоко проник в природу темперамента автора. На телеэкране он сумел найти общий тон звучания, общую интонацию драмы, которые позволили сдержанно и точно передать внутреннее ощущение глухой замкнутости, безысходности и тоски в доме Бернарды. Ясно звучат и основные образительные мотивы фильма — черные траурные платья, ослепительно белые стены и пронзительно синяя ночь. Телефильм пронизан неброским, но предельно насыщенным подлинным колоритом: костюмы и декорации заставляют ощущать даже отсутствующий испанский пейзаж, который наверняка просился в кадр. В этом — внутреннем и внешнем — верность самой природе драматургии Лорки. Это настоящая испанская деревня, ее суть, ее дух: неистовая толпа с факелами. И прежде всего лица Бернарды, Альбы и ее домочадцев.

Л. Иоселиани играет Бернарду непоколебимой, убежденной в правильности совершаемого ею: «В моем доме все ладно». И все же актриса не нашла для своей героини той властной жестокости, которая, помимо традиции, держит дочерей в узде. В диалогах со служанкой Бернарда — Иоселиани уступает Понсии — Н. Мchedлидзе. Образ Понсии — одна из самых больших удач фильма. Актриса глубоко и сильно

раскрывает характер своей героини — ненависть и традиционную преданность хозяйскому дому, желание предупредить беду и страх перед властительницей и хозяйкой, которая может лишить куска хлеба. Бернарда действительно может выгнать старую служанку из дома, но все же в игре актрисы не хватает недоброй силы, той трагической ноты, которую вносит в фильм Верико Анджапаридзе. Драматический накал пьесы прочувствован и передан замечательной грузинской актрисой. Именно полусумасшедшая восьмидесятилетняя старуха Мария-Хосефа — Анджапаридзе говорит о том, о чем молча кричат глаза дочерей: я хочу выйти замуж! Здесь и трагическое, как всякое безумие, и глубоко лиричное — мечта о материнстве.

Достоиной партнершей стала для В. Анджапаридзе молодая актриса М. Сурмава. Она играет горбунные Мартиро, самую несчастную и обездоленную из всех сестер. Болезненное лицо, согбенная фигура Мартиро дышат мрачной позорительностью, ревнивой злобой и бессильным отчаянием. Актриса раскрывает драматизм ситуации: ведь даже ее героиня могла бы выйти замуж и быть матерью, но Бернарда сошла жениха недостойным...

К чести режиссера, он не изменил ни слова в пьесе Лорки. Желанием точно следовать автору, обозначившему возраст своих героинь, объясняется выбор

молодой актрисы Н. Чанкветадзе на роль младшей, двадцатилетней Адель.

Режиссер правильно определил эмоциональную нагрузку, которая должна держать зрителя в состоянии постоянного напряжения в предчувствии неизбежно надвигающейся катастрофы, но не сумел до конца удержать ее. В фильме есть напряжение, но нет страсти, есть тоска замкнутого пространства, но нет трагедии отчаяния. Создается впечатление, что режиссер и актрисы побоялись полностью довериться своему темпераменту, опасаясь, что возобладают слишком сильные страсти, — напрасно. Этого не побоялась Верико Анджапаридзе — и роль Марии-Хосефы приобрела предельную выразительность.

Перед нами на экране прошли действительно трагические судьбы людей, их радости и горе, перекликаясь со словами самого поэта: «Театр — школа слез и смеха, это трибуна, с которой можно вскрывать пороки отжившей или ложной морали и разъяснять на живых примерах вечные откровения человеческих чувств». Фильм, несмотря на некоторые просчеты, безусловно, удался, заставив зрителей с интересом и волнением сочувствовать и негодовать, а главное — увидеть подлинного Лорку.

М. НАСИМОВА.